

Большой театр. — 1997. —

Мовсар МИНЦАЕВ: 24 окт.
(№23)

«Верю, что могу быть полезным театру...»

— Мовсар, два года назад после значительного перерыва вы вернулись в Большой театр. Почему вы уходили?

— Это целая история. В 1982 году я, учась в Московской консерватории, решил прослушаться на стажировку в Австрию. Отобрали троих, среди них и меня. Стажировка по каким-то причинам не состоялась, теперь это уже не важно. Но прослушивание проходило в Большом театре, и там меня заметил бывший в то время заведующим оперной труппой Анатолий Иванович Орфенов. Через некоторое время, проходя мимо Большого, я встретил Анатолия Ивановича. Узнав, что стажировка сорвалась, он позвал меня в театр. Сначала я работал просто так, без зарплаты, а в мае после конкурса стал стажером, а потом и солистом Большого театра. Но через два года ушел. Главная причина — я не понял природы своего голоса. Ведь тогда я сам и все вокруг считали, что у меня баритон.

— А как выяснилось, что это не так?

— Мне было очень неудобно в баритоновых рамках, это ощущалось почти на физическом уровне, постоянно напоминало о себе. Я слышал, как рядом коллега-баритон с легкостью берет ноты, которые мне давались с трудом. Но по молодости я не сразу понял, что происходит, что надо делать.

— Но как же этого не заметил ваш педагог?

— Так получилось, что в Ленинградской консерватории, куда я поступал, мне и педагог тоже попался молодой и неопытный. Он так и сказал: «Не пойму, бас у тебя или баритон». «Конечно, бари-

тон», — сказал я, но с таким же успехом я мог сказать, что я контральто... Через год я перешел в Московскую консерваторию, но и там ни у кого не возникло сомнений насчет моего голоса.

Придя в театр, я стал осваивать репертуар — пел Цезаря, Шарплеса и даже Фигаро. Но со временем, видимо, и руководство почувствовало, что это не мой репертуар, у меня стали забирать партии одну за другой, я оказался на эпизодах... И понял: необходимо сделать выбор, надо что-то менять в своей жизни.

— И вы решили «поменять» голос?

— Не сразу. У меня был выбор — либо переучиваться, либо вообще уходить из театра. Я был с театром на гастролях в Лондоне, и там меня услышал профессор Дж. Бейкон, причем сразу воспринял меня как баса, поющего не свой репертуар. Он открыл мне глаза на истинную природу моего голоса. Я ушел из театра и год прозябал с ним вокалом. «Не верю своим ушам», — сказала после моего возвращения домой консерваторский концертмейстер Н. Богелава. Но тем не менее в «Новую оперу» к Е. Колобову я пришел как бас.

— А в Большой вы не мечтали вернуться?

— Нет, у меня и надежды никакой не было. Уходил — как головой в омут, не зная, буду ли вообще петь... Мне казалось, что я теряю голос, ведь постоянное насилие над природой даром не проходит. Я понимал, что профессионально деградирую, что возникшие с голосом проблемы не временные... К стати, может быть, мне даже повезло в том, что стали мало заниматься в репертуаре, думаю, это помогло мне сохранить голос.

— А как психологически вам далась эта перемена?

— Нелегко, ведь мне было уже под сорок... Не скажу, что я сломался, нет, но какая-то переоценка своих возможностей и сомнения в силах были. Я не мог понять, хорошо звучу или нет.

И здесь мне очень помог! Открытый конкурс басов, который проходил в 1993 году в Москве. Участие в конкурсе было для меня успешным. Первая премия и приз зрительских симпатий оказались лучшим средством укрепления веры в себя. Затем в Колонном зале состоялся мой сольный концерт, который тоже прошел с успехом. Это придало сил и заронило в душе мечту, казалось, неосуществимую, — вернуться в Большой... Понимаете, может, это трудно объяснить, но я ушел из труппы сам, меня никто не выгонял, мне казалось недопустимым обременять театр своими проблемами, ведь это отражалось на качестве исполнения. Но потом, после конкурса, я как-то внутренне обнагел и мысль о возвращении уже не оставляла.

— Какой басовый репертуар вы накопили к этому времени?

— Я пел Бориса Годунова и Банко («Макбет») за границей, а здесь Гремина в «Онегине», Базилио в «Севильском», Руслана, Тальбота в «Марии Стюарт»... Много камерных произведений. Два года назад рискнул прослушаться в труппу. Это было возвращение, но возвращение в новом качестве, на новый репертуар... Началом стало участие в концертном исполнении

«Лючии ди Ламмермур», затем я спел Феррандо в «Трубадуре», Барона в «Травиате», Собакина в «Царской невесте», Полкана в «Золотом петушке», Царя Египта в «Аиде»... Сейчас репетирую Мага в «Любви к трем апельсинам»...

— Какая из этих работ больше всего по сердцу?

— Очень люблю партию Собакина и чувствую себя в ней свободной, уверенно, хотя, конечно, о результате судить зрителям. Вообще я очень благодарен руководству оперы за предоставленный шанс заново испытать здесь судьбу. Я верю, что смогу быть полезным театру, по крайней мере я к этому стремлюсь и стараюсь делать все, что в моих силах...

— Русская школа славилась басами. Кто из них стал для вас образцом?

— Вспоминаю один случай. Однажды я занимался в классе И. Л. Виннера. Там же с какими-то бумагами сидел А. Ф. Ведерников. Что-то там у меня не получалось. Видно, я так надрылся, что он не выдержал и «рыкнул», показав голосом, что нужно сделать. Это было утрировано, но так выразительно, так точно. Этот гениальный прием очень помог мне потом. Ведерников — бесподобно талантливый певец, перед которым я преклоняюсь. Ну, и еще, наверное, как и для всех басов, для меня образцом остается Ф. И. Шаляпин. И тот, и другой научили меня простому, но важному правилу: исполнение требует предварительной настройки инструмента — голоса... Без этого невозможно добиться выразительности. Подобно тому, как пианист не может играть без предварительной и очень тщательной настройки инструмента. Природу своего голоса необходимо тренировать, как спортсмен тренирует, разогревает мышцы. И если пренебрегать этим (а по молодости и по неопытности так чаще всего и бывает), то в будущем это может обернуться серьезными творческими потерями. Жаль, что в начале учебы в консерватории судьба развела меня с замечательным басом — Георгием Селезневым. Позже я оценил его систему преподавания. Думаю, если бы это случилось раньше, многих проблем удалось бы миновать. Но, что поделаешь, у каждого свой путь.

— А вам не жаль упущенного времени? Или вы не считаете свои «баритоновые» годы упущенными?

— К сожалению, впустую ушло много времени, ведь певческий век недолог. Но так сложилось, и во всем, что хотелось бы исправить, я виню только себя. Но судьбе я благодарен, ведь многие певцы уходили, так и не найдя свой путь. А когда возраст упущен, бесполезно заниматься творческими поисками. Я благодарен окружающим — за веру в мои силы, поддержку, понимание. За то, что все в моей жизни произошло вовремя.

Интервью подготовила
М. ПЕСКОВА.